

Е.Н. ЧАЩИНОВ

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Пермь, Россия)

УДК 821.161.1.09 (Королев А.)
ББК Ш5(2Рос=Рус)6-4

ПЕРМЬ/МОЛОТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МИФОЛОГИИ АНАТОЛИЯ КОРОЛЕВА¹

Аннотация: В статье рассматривается творчество современного прозаика, в частности художественная интерпретация Перми как топоса. Королев в романах и эссеистике мифологизирует советский период Перми (1940–1957 гг. – город Молотов) через ассоциации с обрядом инициации, который детерминирует как образ города, так и судьбу самого автора.

Ключевые слова: Анатолий Королев, Пермь, Молотов, индивидуальная мифология, миф об инициации.

Анатолий Королев – известный прозаик, чье имя вошло уже в литературу, критику, литературоведение, учебники по современной литературе². Исследователи рассматривают этико-эстетическую проблематику творчества писателя (М. Липовецкий, О. Головин, В. Яранцев, И. Скоропанова, А. Мережинская³), спорят о природе его художе-

¹ Статья выполнена в рамках проекта № 005-П Программы стратегического развития Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Министерства науки и образования РФ.

² См., например: *Нефагина Г.Л.* Русская проза конца XX века. – М.: Флинта, 2003. – 420 с.; *Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. 3-е изд., изд., и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608 с.; *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – 317 с.

³ См.: *Головин О.* Блаженны нищие духом [Электронный ресурс] // День литературы. 2000. 3 марта (5(35)). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.zavtra.ru/denlit/035/34.html>; *Яранцев В.* Гомо космикус провинциалус, или опасности // Сиб. огни. – 2001. – № 5. – С. 12; *Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997; *Мережинская А.Ю.* «Конец истории» в постмодернистской прозе. Миф об умирающем и возрождающемся божете. Миф о вечном возвращении. Их модификации: [о повести А. Королева «Голова Гогиля». С. 260-269] // Художественная парадигма переходной культурной эпохи: русская проза 80–90-х годов XX века: монография. – Киев, 2001. С. 233-270.; *Скоропанова И.* Эстетическая парадигма современной русской литературы [Электронный ресурс] // Материалы международной научно-практической конференции «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания: Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Электрон. версия печат. публ. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2009. – URL: http://media.pspu.ru/sci_liter2005_skoropan.shtml.

ственного метода (И. Скоропанова, Г. Нефагина, В. Катаев, Е. Иваницкая⁴), об особенностях поэтики (А. Климутина, Т. Сорокина⁵).

Особый вопрос для исследователя – о биографическом начале в творчестве Королева. Сам писатель утверждает, что существует некоторая «цензура реальности» или «внутренний запрет на исповедь»⁶: «пережитое событие либо не очень вас красит и вызывает стыд, либо слишком болезненно»⁷. Королев долгое время не использовал в своем творчестве факты личной биографии: «я считал, что реальная жизнь писателя – это сугубо его личное дело»⁸.

Однако анализ романов А. Королева 2000-х обнаруживает, что в каждом из них, в противоположность ранним произведениям писателя, в той или иной степени присутствуют факты биографии. Особую позицию в ряду этих фактов занимает место, где Королев провел свою молодость, – город Пермь. Как правило, с Пермью связаны воспоминания молодости, символически окрашенные. Так, в романе «Человек-язык» (2000) Пермь отмечена семантикой удаленности, а знаком ее становится психиатрическая больница, которую населяют «уродцы». В романе «Быть Босхом» Пермь – место изнурительного политического процесса, жертвой которого становится герой. В романе «Эрон» есть аналог Перми – Камск (по названию реки Кама). В романе «Стоп, Коса!» угадывающаяся в описаниях Юрятина Пермь – место, о котором герой вспоминает как о месте собственной психологической травмы.

Изучение образа Перми в художественных текстах – актуальное сегодня направление для ряда ученых, занимающихся вопросами провинциальной (в нашем случае пермской) идентичности⁹. По отноше-

⁴ См.: Катаев В. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма // Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.): [учеб. пособие.] – М., 2005. С. 86-104; Нефагина Г.Л. Стилевая палитра творчества А. Королева // Штрихи и пунктиры русской литературы. – Минск, 2008. С. 60-71; Иваницкая Е. Человек-язык // Нева. – 2003. – № 2. – С. 198-200.

⁵ См.: Сорокина Т.Е. Художественная историософия современного русского романа: Дис. ...докт. филол. наук. – Краснодар, 2011. – 253 с.; Климутина А.С. Поэтика прозы А. Королева: текст и реальность: Дис. ...канд. филол. наук. – Томск, 2009. – 225 с.

⁶ Королев А. Запрет на реальность / Беседу вела М. Елисеева [Электронный ресурс] // Литературная Россия. – 2005. – № 9. Электрон. версия печатн. публ.: URL: <http://litrossia.ru/archive/137/writer/3337.php>.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ См.: Абашев В.В. Пермь как текст: Пермь в русской культуре и литературе XX в. – Пермь: ПГУ, 2000. – 404 с.; Абашева М.П. Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. – 320 с.; Геопанорама русской культуры: провинция и её локальные тексты. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 330 с.

нию к Королеву этот аспект остается малоизученным. Между тем этот аспект отнюдь не тривиален: Королев воплощает в своих произведениях разные ипостаси Перми: Пермь как пастернаковский Юрятин, Пермь как советский Молотов, как глухой провинциальный город. В настоящей работе рассматривается образ королёвской Перми как города советского, скорее даже не Перми, а Молотова. В этом Королев резко отличается от других современных писателей, стремящихся актуализировать древние корни Перми (А. Иванов¹⁰), выявить особую участь пермской земли (Ю. Асланьян), поэтически мифологизировать образ города (В. Кальпиди, В. Лаврентьев).

Прежде всего, советская Пермь входит в произведения Королева через факты его биографии, «куски жизни». «В романе «Быть Босхом» я впервые рискнул описать кусок своей жизни, когда, оказавшись в дисбате, я назло обстоятельствам писал роман о художнике Босхе. Это был мой вопль о предоставлении мне эстетического убежища от советской власти»¹¹.

Действительно, роман «Быть Босхом» (2004) – первый автобиографический роман Анатолия Королева, в основе которого лежат факты закрытого политического процесса 1971 года: «Все мы угодили в воронку грандиозной провокации, которую устроил тогдашний глава КГБ тов. Андропов в провинциальной Перми. Вся запрещённая литература привозилась к нам под полным контролем госбезопасности, и все читатели вскоре угодили под колпак слежки»¹². Автобиографичны и факты службы молодого писателя в дисбате под Челябинском: «для того чтобы я понял, что такое зона с вышками на углах, и не кукарекал, меня – филолога, а не юриста, – и сослали следователем в дисциплинарный батальон Уральского военного округа, на южный Урал, в Тмутаракань, на станцию Бишкиль»¹³.

История молодого Королева стала сюжетной основой романа «Быть Босхом». Но этот пример отнюдь не единственный и далеко не первый в творчестве писателя. В романе «Человек-язык» (2000) сцена посещения психиатрической больницы тоже, оказалось, имеет перм-

¹⁰ Подробнее см.: *Абашев В.В., Абашева М.П.* Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2010. – № 2. – С. 81-91.

¹¹ *Королев А.* Роман как импровизация / беседу вел А. Вознесенский [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2006. – Электрон. версия печатн. публ. URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2006-10-12/2_korolev.html.

¹² *Королев А.* Трудно быть Босхом / беседу вела О. Рычкова [Электронный ресурс] // Литературная Россия. – 2007. – № 35. – Электрон. версия печатн. публ. URL: <http://www.litrossia.ru>.

¹³ Там же.

ские биографические корни. Главный герой отправляется в Пермь к своему другу-врачу в психиатрическую клинику. Врач по-черному шутит над приятелем, закрывая в палате с уродом Муму. В интервью Елене Иваницкой Королев описал случай, отраженный в романе: «Это было в канун Рождества, на Урале, в конце 70-х годов, на станции Банная гора, что недалеко от Перми, где я тогда жил. Мы от души нагузались спиртом, и мой приятель, врач клиники, устроил розыгрыш – запер писаку в санитарном боксе вместе с большим уродцем. Чувство заточения в камере и мысль о том, с какой же мукой человеческое выживает внутри камеры-болезни, срослись в то тревожное настроение, из которого выростал текст 20 лет спустя»¹⁴.

Автобиографический мотив бегства из провинции в столицу является одним из основных в романе «Эрон» (1994), хотя здесь он отчасти завуалирован. Также автобиографические факты являются психологической основой романа «Стоп, Коса!» (2008): «В моих планах есть намерение рассказать о драме отношений моего отца и моей матери, брак которых я постарался разрушить с негодайским пылом ревнивого мальчика-эгоиста. И разрушил»¹⁵.

Таким образом, Королев все чаще обращается к собственной биографии, и вместе с этим – к проблеме непростых отношений человека и места.

Писатель проясняет эти отношения в своей эссеистике. Это эссе «Путешествие во чрево кита» (2009) и статья «Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд» (2009)¹⁶.

Отношения Королева-автора с Пермью, городом, в котором прошло взросление человеческой и писательской личности, всегда были напряженными: «Тут самое время признаться в том, что, уехав почти тридцать лет назад в Москву, я практически не написал о Перми ничего стоящего и всегда почему-то избегал описывать место, где прошла самая пылкая часть моей жизни, словно на воспоминания было наложено табу»¹⁷. При-

¹⁴ *Королёв А.* Художественно значимое уродство / беседу вела Е. Иваницкая // Независимая газ. – 2000. – 27 апр. – С. 7.

¹⁵ *Королев А.* Роман как импровизация / беседу вел А. Вознесенский [Электронный ресурс] // Новая газета. – 2006. – Электрон. версия печатн. публ. URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2006-10-12/2_korolev.html.

¹⁶ *Королёв А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>; *Королев А.В.* Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. – Пермь, 2009. С. 103-111.

¹⁷ *Королёв А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.

чина напряженных отношений разрешается Королевым парадоксально – Перми он предпочитает Молотов: «Пристально размышляя над этой странностью умолчания, я вдруг понял – эврика! – что в самое страстное детское время влюбленности в родную почву я был молотовчанин!»¹⁸.

Королев описывает советский Молотов с детским восхищением, но одновременно и с долей трагического сожаления об ушедшем навсегда городе молодости: «Молотов, о, это был замечательный город на берегу большой реки, с берега на полигон за рекой палили пушки молотовского мотовилихинского завода, да и сам именинник был жив и очень мне нравился... В Молотове была гидроэлектростанция. Железнодорожный мост, гастроном. Дворец имени Сталина, где мы, школьники, встречали Новый год. О Молотове была любимая сказка «Городок в табакерке» про отважное племя молоточков, которые колотили в трусливые юбочки колокольчиков. Все самые мощные приметы той эпохи: индустриализация, асфальт, культ консервированных продуктов, наконец, запуск первого космического спутника Земли – случились в Молотове (если точно, через два дня после переименования)»¹⁹.

В советском названии города автор видит сильное мужское начало – характерны примеры, заключающие в себе семантику маскулинности (руководитель госаппарата, Молотов-коктейль, молотобойцы, молотки и т.д.): «Мужское имя Молотов, ОН, Единица, имя-псевдоним, имя мускулинное [авторское написание], имя фаллическое»²⁰. Молотов оказался в восприятии молодого человека истинным примером властного мужского центра: темпы индустриализации, пушечный и пороховой заводы, работающие на военное оснащение страны, примечательные культы советской эпохи, «звонкий город молодости, город молотков, молотобойцев, мускулов, моторов, мотоциклов, место молодцов, мой любимый город победы над немцами»²¹. Молотов в представлениях юного Королева стал идеальным городом для жизни: «О, это был замечательный город на берегу большой реки»²². В фонетическом сходстве Молотова и Мотовилихи видится некая близость.

¹⁸ *Королёв А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.

¹⁹ *Королёв А.В.* Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. – Пермь, 2009. С. 103-111.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ *Королёв А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.

²² Там же.

В оппозицию к этому представлению Пермь предстает как начало женское («ОНА, а порой и ОНО»²³), что-то древнее и «квашеное», патриархальное, «старая изношенная посконная и рыхлая Пермь»²⁴. Архаическая Пермь, сменившая в 1957 году имя партийного лидера на карте советской топонимики, пришлась не по душе юному Королеву: «Я не хотел быть пермяком-солены-уши. Это отторжение вошло в подсознание как психосоматическая травма, и до сих пор – спустя 45 лет – она мной не изжита»²⁵.

Если Пермь актуализирует в себе древнее, исконное начало, то Молотов становится примером советского модернизма; женская, рыхлая, закрытая Пермь, по мнению автора, не может соревноваться с мужским, твердым, открытым миру Молотовым. Автор приписывает Молотову мифологическое происхождение: «Молотов – имя искусственное, данное свыше (так Бог назвал Израиль “место, на котором ты стоишь, есть земля святая”), а Пермь – имя историческое, родовое, низовое, материнское»²⁶. Впрочем, и в этом качестве Королев Перми отказывает: «Молотов – это Отец, а Пермь – ни дочь и ни сын. ОНО. Гермафродит. Молотов – это искусственная рукотворная Гора (наковальня), а Пермь – низ, яма, вода, чрево, пустота. Но – парадокс – затопив гору, поглотив огонь кузни – через пироманию, Пермь становится Пирамидой»²⁷.

Молотов выступает хранителем культуры (именно советской), которая попала в Пермь, будучи эвакуированной из столицы. «Молотов – это эвакуация культуры: книги Веры Пановой, фотографии Родченко, картины Иогансона, тайное пророчество Мессинга о точной дате смерти Сталина <...>, гениальный хит Хачатуряна «Танец с саблями», написанный композитором в нашей семиэтажке, в гостинице «Центральная»²⁸. Эти знаки советской культуры дороги Королеву не своей советскостью. Он с радостью отыскивает факты антисоветского, смелого в рамках существующего строя: «Тут стала мерещиться новая история, например, история рождения первой уральской антисоветской книги, написанной сыном первого секретаря обкома партии Вла-

²³ *Королёв А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.

²⁴ *Королев А.В.* Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. – Пермь, 2009. С. 103-111.

²⁵ Там же. С. 103-111.

²⁶ Там же. С. 109.

²⁷ Там же. С. 109.

²⁸ Там же. С. 106.

димиром Гусаровым, «Мой папа убил Михоэлса» <...> но молотовской линии литературы не дали раскрыться.»²⁹. То есть в «молотовской» литературе и культуре Королеву дорог модернизационный потенциал, какого лишена, согласно авторскому эссе, Пермь.

Кроме того, Молотов близок Королеву как город детства, первых творческих опытов: «Если говорить о себе, в Молотове я в восемь-девять лет стал сочинять политическую сказку в духе радиопостановки «Три толстяка». Самой книжки Юрия Олеши достать не мог, но с отменой Молотова завяз и с началом Перми затею оставил. Как теперь понимаю – устыдился политики»³⁰.

Советский Молотов оказывается писателю ближе, чем досоветская Пермь, даже если Пермь современная восстанавливает культурные смыслы: «С возвращением Перми, например, прочнее стала пастернаковская матрица: Юртин, Люверс, Живаго. Но зато погасла страна Аркадия Гайдара»³¹.

Ближе ли Гайдар Королеву, чем Пастернак? Королеву-писателю, с его с модернистскими и постмодернистскими чертами поэтики, – вряд ли. Но Королеву-мальчику, живущему в советском рае возле Центрального гастронома, ближе мир советского детства, голосом которого и был Аркадий Гайдар. Во многом такая точка зрения объясняется ностальгией (возрастной и территориальной) живущего сегодня в Москве писателя. Эта ностальгия усугубляется тем, что оставленные в прошлом родные Королеву города оказались «уходящей натурой», были переименованы (к имени, слову писатель особо чувствителен). Королев родился в Свердловске, откуда пятилетним мальчиком переехал вместе с семьей в Молотов. Вскоре уже ни Молотова, ни Свердловска не стало – вернулись Пермь и Екатеринбург. Автор подчеркивает влияние «фиктивности» на собственную судьбу: «Через три года семья переехала в Молотов, то есть я родился в Свердловске, которого уже нет, и прожил детство в городе, которого тоже не стало, и тем самым представляю из себя некую фикцию»³².

Москва в мире Королева – противовес Перми. Будучи ребенком во время школьных каникул в Москве, он был поражен советской

²⁹ *Королев А.В.* Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. – Пермь, 2009. С. 106.

³⁰ Там же. С. 107.

³¹ *Королев А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.

³² *Королев А.В.* Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. – Пермь, 2009. С. 104.

Москвой «Послесталинская Москва – вылизанная чистюля – поразила мое воображение <...> Я решил, что настоящая жизнь не здесь, где я обречен жить, а там, где меня нет»³³. В конце концов в возрасте тридцати четырех лет Королев действительно переезжает в Москву. И пребывание в Перми-Молотове чем дальше, тем больше осмысляет мифологически. Этот переезд обретает семантику инициации. Как для автора, так, впрочем, и для города, им описываемого: «Хорошо по себе помню, как раскрылась в моем сознании травматическая лакуна потери имени, она совпала с периодом пубертации, потому углубилась»³⁴.

Оборвавшаяся для подростка идеальная линия жизни в советском Молотове уводит юного Королева в глубину пермской мифологии: «я стал обживать не ближнее, постгимуровское пространство города, а самое дальнее – берега Пермского периода, шаги игуанодонов, щиты трицератопсов, охоту плезиозавров в волнах океана»³⁵. И Молотов Королев склонен осмыслять в мифологическом ключе. Характерно в этом смысле сравнение Молотова с Ионой, проглоченным китом (Пермь: «После того, как Молотов-Иона затворился в кашалотном брюхе Перми, состояние нашей пермской ментальности перешло в новую фазу, фазу *беремени*. Это тревожное, неустойчивое, даже в чем-то мучительное состояние для пермской культуры»³⁶).

Пребывание Ионы в чреве китовом – суть его инициация, испытание, взросление, новое рождение после покаяния. В мифологии Королева иницируемые оказываются и город, и человек – и Молотов, и он сам. Инициация индивида приводит его к бегству из сложившегося социального устройства (закончив университет, Королев перебирается в Москву), Молотов же навеки погружается в китово чрево Перми.

Королев грезит (возможно, не без иронии) о возрождении, актуализации памяти Молотова: «Один из путей выхода из этого состояния видится в создании парка молотовского периода, в памятнике молотовскому коктейлю (и заодно памятнику поллитровке) наконец. Это расширение и прирастание пермского локуса богатейшим символическим текстом от Молотова пойдет на пользу всему культурному сооб-

³³ Цит по: *Абашева М.П.* Литература в поисках лица (Русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). – Пермь: Изд-во Пермского университета, 2001. С. 302.

³⁴ *Королев А.В.* Молотов в китовом чреве Перми: герменевтический этюд // Город Пермь. – Пермь, 2009. С. 106.

³⁵ *Королев А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.

³⁶ Там же.

ществу края, его народонаселению и в конце концов обогатит всю современную российскую культуру»³⁷.

Таким образом, атеистический Молотов, как усомнившийся Иона, наказан тем, от кого получил свое имя, кем была дарована славная жизнь. Но, если библейский герой, возвратясь к вере, получает свободу, то загнанному в «брюхо Перми» Молотову надежды нет. Нет надежды и воскресить молодость автора, ушедшее идеальное время. Можно лишь актуализировать память советского, чем, в отличие от коллег-писателей, и занимается Королев. Не архаическая мифология места (А. Иванов), а советский космогенез становится одним из главных образов пространства для Анатолия Королева в осмыслении пройденного пути.

³⁷ *Королёв А.* Путешествие во чрево кита [электронный ресурс] // Октябрь. – 2009. – № 4. – С. 21-28. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2009/4/ko5.html>.